ОН ЖИВ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Издательство
КУБУЧ
Ленинград
1925

Издание Комиссии по улучшению быта студенчества при Ленинградском Губисполкоме.

Ленинградский Гублит № 23293—4 л. Тираж 10.000 экз.

Тип. Ленинградского Губоткомхоза, ул. 3-го Июля, д. № 55.

БЮЛЛЕТЕНЬ.

Тенью истемня весенний день
Выклеен правительственный бюллетень.
Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь:
                                        —не литься!—?
Нет!
      не оковать язык грозы!
Вечно будет
                      тысячестраницый
Грохотать
                    набатный
                                        Ленинский язык.
Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч—
                                        чтоб вихрем не кипел?!
Нет!
        не ослабеет Ленинская воля
В миллионосильной воле Р. К. П.
Разве жар
                  такой
                            термометрами меряется?
Разве пульс
                    такой
                            секундами гудит?!
Вечно будет Ленинское сердце
Клокотать

у революции в груди.

Нет!

Нет!

Не-е-т!

Не хотим,

не верим в белый бюллетень!

С глаз весенних сгинь навязчивая тень!

21-е Января.

Поперек раскрытых полушарий,
От полей до океана—вдруг
Содрогнется каждый пролетарий
Перед вестью, вылетевшей в звук.

„День январский, вечер двадцать первый“,
Шесть часов и пятьдесят минут,—
Горько, горько выколотят нервы,
Молотком безжалостно скуют“.

И мгновенье сердце недвижимо,
И бессильны сочетанья слов,
Только непреложно движет мимо
Вереницу траурных голов.

Но не мертвым тленьем-дорогое
Грустным днем повеет налету,
Что-то новое, могучее, большое
Врежется в земную темноту.

Этот день, свинцово западая,
На столетья в будущем живет,
Чтобы крепче сила молодая
Развернула армии—вперед.

ЛЕНИН НАШЕ БЕССМЕРТИЕ.

Нет, не верим и верить не можем,—
Слишком наша организована мощь,—
Что перед нами—смертное ложе,
И на ложе на том—
Наш любимейший вождь.

Нет, не верим и верить не смеем:
Наше красное солнце никогда не умрет.
И отныне мы только теснее,
Горячее и крепче
Устремимся единой дорогой вперед.

Нет, не верим и верить не вправе:
Ленин здесь—Ленин в нас, Ленин жив!
Это его рука человечеством правит,
Всем указывая
Коммунистические межи.

Нет, не верим и верить нельзя нам,
Кто по-ленински любит трудовое усердие.
Ленин—вечная помощь
Рабочим, крестьянам,
Ленин—наше бессмертие.

ЭТО НЕ СМЕРТЬ!

„Товарищи, будьте организованы!"
Эти слова тов. Ленин успел крикнуть, падая от выстрела эс-эрки в 1918 г.

Тяжек смысл. Человек,
На минуту пади на колени!
Разве можно вместить голове:
Умер! Умер товарищ Ленин!

Еще здесь, еще рядом, он—наш,
Но уже над могилой отверстой
Задыхается трауермарш,
В сердце, черною вестью оркестра.

За весь мир размышлял этот лоб
И вот—в скованном трауром городе
Оцинкованный красный гроб—
Страшной смертью подписанный ордер!

Вы, соратники РКП,
Где же он, ваш товарищ старший?—
Бьется в грудях рабочих капелл
Медный плач трауермаршей!

Подождите, это—не смерть,—
Разве вы не слышите зова:
„Тише!.. Плакать не сметь!
Товарищи, будьте организованы!"

1924, 25 января.

ИЗ РЕКВИЕМА.

(На смерть ЛЕНИНА).

I.

Когда, океаном вспенен,
Тебя увлекает вал,
Когда умирает Ленин,
Как каждый всегда умирал,

Когда кровавой волною
Захлестывает поток,
Когда на миг под тобою
Земля ушла из-под ног,—

Ни слов, ни звуков, ни воли,
Затерянная стезя,
И можно кричать от боли,
А боли постичь нельзя...

Но ленинцу непривычна
В борьбе тугая печаль,
И больше к лицу приличны
Огонь, железо и сталь...

Так мы последним усилием
Всю боль человеческих мук
Вольем в железные крылья
И в мышцы вопящих рук,

Чтоб гневом зажечь винтовку,
Чтоб искрой спалить врага,
Чтоб стала железно-ковкой
Испытанная рука...

И оклик наш неизменен,
И путь пред нами открыт,
И в сердце пылает Ленин,
Как в строе знамен горит.

II.

Красная площадь. Труба. Клич.
Люди. Ряды. Колонны.
Будет слово держать Ильич,—
Эй, зажигайте знамена.

Люди собрались услышать здесь,
Люди—орлов бесстрашней...
Черное знамя, сигнальщик, повесь
Ты над кремлевской башней...

Вот он,—великий вождь, трибун,
Гневом встряхнувший страны.
Вот он, холодный, лежит в гробу,
Мертвый и бездыханный...

Что ж! Если надо,—звучи сигнал,
Больше не дрогнут колонны.
Ленин последнее слово сказал,
Эй, клоните знамена...

III.

На знамени и в сердце Ленин
Сияет красною звездой.
Мы помним все, и неизменен
Наш зычный оклик боевой.

Твои когорты к изголовью,
Осиротелые, идут.
Ты весь горел одной любовью
Ко всем, чья жизнь—тяжелый труд.

Ты весь из стали и железа,
Ты весь из гнева и борьбы,
Твой светлый путь в столетья врезан,
Ты землю поднял надыбы...

И день придет, и новым светом
Зардеет красная весна,
И разрастутся пышным цветом
Твои живые семена.

Стремясь вперед, заре навстречу,
Прославят новые вожди
Тебя,—их первого предтечу,
Что все провидел впереди.

Твоих твердынь не смоют воды,
И не забудутся они—
Ни эти радостные годы,
Ни эти траурные дни...

Так пусть же твой—могуч и вспенен—
Растет и ширится поток.
На гребне волн твой образ, Ленин,
Все так же светел и глубок.

Ни смерть лица не затуманит,
Ни образа не затенит.
И твой завет с тобой не канет
В глухую даль подземных плит.

Мы помним все. Мы не забудем,
Как мудро наше бытие.
И в новый мир и к новым людям
Мы имя понесем твое...

IV.

Наши герои в битвах тверды.
Сердце—сталь и гранит.
Эй, миллионы, сдвиньте ряды.
Ленин речь говорит...

Пусть знамена небо зальют,
Пусть, как в разгаре сеч,
Пушки громче гаркнут салют.
Ленин окончил речь...

„Ленин с нами,—рабочий сказал;—
Наша незыблема твердь“...
„Ленин с ними,—сказал капитал;—
Вот она—наша смерть“...

„Ленин ведет нас,—сказал солдат,—
Нам не страшен весь свет“.
Сколько сердец теперь говорят:
„Ленин... Он умер?—Нет!...“

V.

Такой же открытый лоб,
И взгляды так же остры.
На Красной площади—гроб,
На Марсовом поле—костры.

И он не выйдет к толпе
На красное торжество,
И страстный призыв к борьбе
Уста не кликнут его...

Но Ленина мысль жива,
Но клич на борьбу не замрет,—
И не одна голова
Охотно с плеч упадет...

Но ленинские слова,
Как прежде,—в сердцах тверды...
Так разве смерть такова?
И разве не с нами ты?

И этот открытый лоб,
И взгляда стальную твердь
У нас не отнимет гроб,
И не затуманит смерть.

ТРАУРНЫЙ МАРШ.

Песен моих кумачевое пламя
В черный огонь перелейся. Встань
Там, у одра его, скорбное знамя!
Сердце, траурный марш барабань!

К алому гробу, войско поэта!
Верные рифмы, стройтесь в ряды!
Были в победах, будем и в этом
Жутком параде народной беды.

Знаю—достойной песни не сложим:
Образ вождя величав и высок...
Время-художник любовно положит
Тот огневой и последний мазок.

Песни мои, встречавшие звоном
Семь нагруженных огнем кораблей,
Взвейтесь прощальным, траурным стоном
Над неизбывной печалью полей.

Черной тревоги сегодня не скроем,—
Это умолк мировой набат,
Осиротевшим, рыдающим строем
Выйдем к нему на последний парад.

Полчищ народных любовное море
Гроб твой поднимет—багряный челнок,
Дум величавых бессмертные зори
Смерть не загасит, не скроет песок...

Вот оно крепкое, красное племя
Верных, вскормленных тобою орлят.
Звездною конницей движется время,
Красные птицы в небе парят.

Гроб отдадим мы, но знамя не сменим,
Пусть же узнает и друг и враг:
В битвах грядущих не дрогнут колени,—
Ленино сердце—наш пламенный стяг!

ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА.

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч—страшны, странны
Дни без вождя! Нет, вся земля,
Материки, народы, страны,

От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном,—

В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной—отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?

Товарищи! Но кто был он?—
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленье!

Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь все так же давит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбиться нас—заставят!

Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,
Так мир сплотим и осоюзим!

Нет „революций“, есть—одна:
Преображенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача—им нам задана.

ТРАУР.

Рыданья под сугробами —
Ушел родимый, нежный...
С Кавказа крутолобого
И до Аляски снежной

Какая скорбь безумная!
Полярный ветер плачет.
Нагие нервы струнами
Ко гробу Ильича.

Плети рук ломая —
Бронзовые лозы,
С массива Гималая
Стекают стон и слезы.

Огонь в глазах и крики
С плантаций знойных Явы:
Ты жив, наш вождь великий,
Слава,
Слава, слава!

Раб забитый, хмурый,
Но болью сердце рвется.
В черных шахтах Рура
Вздох подземный бьется.

Гудки рыданьем резали,
Терзали скорбью нас.
Скатились на железо
Капли с влажных глаз.

И все облито было
Рыдающей грозой.
Луна на небе стыла
Мучительной слезой.

Уснул.
Как сердце хрустнуло
От траурного пенья.
Но шар земной приплюснут
Его гигантской тенью.

Э Р А.

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый, — общий океан, —
Растет из бурь октябрьских Ленин
На рубеже, как великан.

Земля! Зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье—имя это,
Меж слав твоих—прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его об'ем
Превысил жизнь, и откровенья
Его мирам мы понесем!

БЮЛЛЕТЕНЬ.

Черная рама. Белое поле.
Мертвые буквы на нем.
Бешеный натиск невылитой боли
Душу пытает огнем.
Смотрим. Читаем. Верим. Не верим.
Глаза у всех — туча, таящая дождь.
Каждый из нас стал раненым зверем:
Умер великий вождь...
Два дня над городом вьюга свистала,
Снегом хлестала в лицо.
В эти два дня его не стало —
Того, кто был первым бойцом.

. . . .

Шел человек худой, как тень.
Шел на завод. От мороза крякал.
Взял у газетчика бюллетень,
Глянул в него и заплакал.
Потом, точно гору сбросил с плеча,
В бюллетень уставился снова:
Черная рама... Портрет Ильича...
Человек не сказал ни слова.
Только глаза сверкнули огнем,
Огнем упорства и силы.

. . . .

Белое поле. Буквы на нем —
Жизнь у великой могилы.

МЫ ПОМНИМ.

Цехи, конторы, трюмы
Свел один паралич:
Владимир Ленин умер,
Кончился старый Ильич.
Одна тугая гримаса
Свела суровые рты
От угольных дыр Донбасса
До приисков Читы.
Читали, а губы бледнели.
С двух сумасшедших слов
У чуждых людей на панели
Плечи плачем трясло.
Мука ломала колени.
Муку не сбросишь швырком.
Умер Владимир Ленин,
Рабочий предсовнарком.

Боль такая бывает,
Когда умирает сын.
Гудки от края до края
Завыли, как на смерть псы.
Это от моря до моря
Встало плечом к плечу
Одно беспартийное горе
В последний черед к Ильичу.
Идут. Точно взорваны шлюзы,
Где он от утра до утра
Под колоннами Дома Союзов
Принимает последний парад.

По-детски Владимир—Воля.
По-взрослому Воля—Октябрь.
Это он земле не позволил
Вертеться у хищи в когтях.
Мы понуры и седоголовы.
Страшно прятать в последнюю клеть
Самого молодого
Из всех людей на земле.

Не плакать, не плакать, не плакать,
Не плакать об Ильиче!
Пусть плачут слезами шлака
Глаза плавильных печей.
    Дрожь, просеки моторы!
    Вдвое завойте, станки!
    В цехи, в поля, в конторы,
    Рабочие и мужики!
Ни дряби, ни хмури, ни лени!
Льни к рычагу рука.
Ленин!
    Мы помним,
        Ленин,
Твой боевой приказ!
Вейся знамен пламя,
Туже рабочий нажим
Ленин
    всегда с нами.
Ленин
    всегда жив.

ВЕНОК.

Мы сегодня его несем,
Провожаем в последний раз,
А кругом, словно пар на всем,
Глубина расширенных глаз.

В этот день похоронный марш
По земле, как гром, прозвучит,
И едва необ'ятный шар
Задрожит, как в море лучи.

Чернотой, покрывшей кумач,
Поперхнутся все голоса,
И с высот телеграфных мачт
Будут тоже смотреть глаза.

Но кумач не залить черноте,
Лик не скроет замерзший ком,
Уж в шеренги строятся те,
Кто взращен живым молоком.

И краснее красных венков,
Золотей, чем горний хребет,
Громче труб и мудрее слов —
Мы бессмертье несем тебе.

ПРОЩАЛЬНЫЙ САЛЮТ.

На смерть Ильича.

Эй, дома, на колени!
Эй, заводы, вниманье!
Отдается последний салют...
Слышишь:
Траурно бьют барабаны.
Видишь:
День прослезился туманом,
Флаг и облако трауром вьют.

Наших плеч мостовая стальная,
Ильичу нынче—в вечность стезя.
Кто, бессильный, там руки ломает?
Чей там плач?
Перестать!
Пусть все знают—
Не к лицу коммунисту слеза.

В демонстрации нашей парадной
Здесь в последний раз
С нами Ильич.
Закаленных рабочих бригады.
Фронт единый, на век,
Ряд за рядом,
С ним
Мещанству грозятся величием.

Расступитесь!
Дорогу герою
Ильичу — честь, и гимн, и цветы.
Ты уходишь?...
Знамен алых строем,
Мы склонившись, тебя здесь закроем.
Ты ушел.
Но ты в нас, —
С нами ты.

Эй, дома, на колени!
Эй, деревни, молчание!
Смирно, фабрики!
Смирно, заводы!
Пусть знамена склоняются алью.

РЕКВИЕМ.

Если день смерк,
Если звук смолк,—
Все же бегут вверх
Соки сосновых смол.

С горем наперевес,
Горло бедой сжав,
Фабрик и деревень
Заговори шаг:

— Тяжек и глух гроб,
— Скован и смят смех,
— Низко-ль пригнуть смогло
— Горе к земле всех!

— Если умолк один,
— Даже и самый живой,
— Тысячами родин,
— Жизнь, отмсти за него!

С горем наперевес
Зубы бедой сжав,
Фабрик и деревень
Ширься, гуди шаг.

Ближе плечом к плечу!
Нашей ли широте,
Пасынкам ли лачуг
Жаться, осиротев.

Стой, спекулянт-смерть,
Хриплый твой вой — лжив,
Нашего дня не сметь
Трогать: он весь жив!

С горем наперевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень
Ширься, гуди шаг:

— Станем на караул,
— Чтоб не взошли враги
— На самую
— Дорогую
— Из наших могил!

Если день смерк,
Если смех смолк, —
Слушайте ход вверх
Жизнью гонимых смол.

С горем наперевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень
Ширься сплошной шаг!

ЛЕНИН.

В чьем сердце не биенье—бой.
Чье сердце—красное, живое знамя!
О, буревестник мировой,
Бушующий миллонными руками!
О, зоркий вождь, ты на высотах гор,
Где пролетарии твой взор,
Твой взор поставили на страже,
Историю, работницу времен,
Упавшую перед парадным ходом,
Циклоном толп влеком и вдохновлен,
Стремительно повел заводом.
И вот грохочет Новый Год—
Короны падают, как звезды ночью пылкой,
И содрогается громоотвод,
Воздвигнутый над биржей—Учредилкой.
Сигнальным Октябрем
Россия вспыхнула, и в муках бури
Коммуну мы куем, куем
Тяжелыми молотами диктатуры.
Европы грудь
Вздымается в мозолистом восстании,
Готова глубоко вдохнуть
Советов свежее дыхание.
Несется и трясет гроза
Зевоту Будды, Брамы и Шамана,
И отряхает раб раскосые глаза
От векового сонного тумана.
Вселенная меняется лицом,

Вселенная на капитал восстала
Широким огненным кольцом
Рабочего Интернационала.
В чьем сердце ни биенье—бой.
Чье сердце—красное, живое знамя.
О, буревестник мировой,
Бушующий миллионными руками!

В. И. ЛЕНИН.

Глазами сыплет смешок.
Матовый лоб мыслит.
Вот он сейчас ушел,
Вот он опять близко.
Ленин, ведь, это что же:
Это—простой и гений,
Разве его возьмешь
В прежнем тоскливом пеньи!
Вот он, касаясь рукой,
В спинку уперся стула,
Крепкий, живой какой;
Мир от него качнуло.
Прячет в газету лик,
Держит глазами дело.
Слушай—к нему приник
Тот, кого жизнь раздела.
Слушай—одеты все
В бархат тоски проклятой.
Он—где тоскует смерть —
Красной горит заплатой.
Ленин, ведь, это что ж!
Это—Россия в деле.
Ленин, ведь, это—нож
В робкие дни продетый.
Глазами сыплет смешок.
Матовый лоб мыслит,
Вот он сейчас ушел.
Вот он опять близко.

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый
Века пронизывающий взгляд.

Н. Полетаев.

ИЛЬИЧУ.

Наш зоркий вождь, наш большелобый гений,
Наш капитан, что сам держал штурвал,
Ты к берегам прекрасных откровений
Россию вел и мир за нею звал.

И вот, ты бросил нас в открытом море.
Мы плачем, бьемся... не воскреснешь ты!..
Но не в слезах топить нам наше горе
Велят твои спокойные черты.

Прощай, наш Ленин! И на смертном ложе
Ты—капитан родного корабля.
И пусть твой дух бессмертный им поможет,
Тем смельчакам, что встанут у руля.

ЛЕНИН ВЕЛИКИЙ.

Подернулась трауром красная радость.
В сердцах трударей огневая печаль.
Завод-богатырь за железной оградой
Всю скорбь свою вылил в звенящую сталь...

Великое сердце сгорело в бореньи
И жарко зажглось в коллективной груди,
И Ленинский путь к лучезарной вселенной
Железным цветеньем горит впереди...

Печальные, в траурных черных извивах,
Алеют ряды наклоненных знамен...
Но Ленин Великий ведет коллективы
На бархат багряный грядущих времен.

Да здравствует Ленин!.. Пусть красные клики
Промчатся над блеском январских снегов,
Наш Ленин бессмертный, наш Ленин Великий,
Разбивший оковы кабальных веков!..

Надуются мышцы от дружной работы,
Натянется жил молодых тетива...
Вперед же, железные дети заводов,
Меж огневых домн, засучив рукава!..

ВПЕРЕДИ.

Когда шахтер изнемогал у тачки
И задыхался кочегар в дыму...
Когда вели, сорвав угрозу стачки,
Зачинщиков в казенную тюрьму...

Побитый негр, упавший на колени,
Поденщик выгнанный, рабочий без руки —
Все помнили: пути наметил Ленин
Пути пройдут его ученики...

Когда в кольце тяжелых испытаний,
Казалось, отступленье затрубим,
Лишь вдохновитель мировых восстаний —
Лишь голос Ленина был тверд, неколебим.

Подслеповатый обыватель, слякоть—
И тот враждебность позабыл свою:
— Да, он громаден. Есть кого оплакать,
Да, Ленин—вождь. Его я признаю.

Но разве пуля сокрушит ученье,
И разве знамя опустилось вниз?
Погиб один, осталось ополченье,
Не стало Ленина, остался ленинизм.

Пусть человека-Ленина не стало,
Ряды сомкнув и спрятав боль в груди,
Земля идет. Земля уже восстала
И на знаменах—Ленин впереди.

ЗАКАТ.

Земля родная, лес и поле,
Глухая степь и синь дорог,
Теперь нам не понять уж боле,
Где наш закат и где восток.
    Как будто—снова темь накрыла,
    Как будто—уж в который раз?—
    На нас нагрянет вражья сила
    И черным днем придушит нас.
Сегодня день и снег желтее,
Поля темны, как наша речь,
И дай-то, бог, ржаную шею
От медной петли уберечь.
    Не знаю, где тоски начало,
    Но в сердце возится червяк.
    И сивки-бурки шаг усталый
    Как будто бы последний шаг.
Но путь широк, и сердце знает,
Куда направить добрый путь,
Чтоб голову родному краю,
Шутя, в потемках не свернуть.
    Мы босы, голодны и наги,
    Мы—нищи, как овечий хвост.
    И страшен стал родной сермяге
    В снегах серебряный погост.
Земля родная, где же милость,
Откуда радости нам ждать,
Коль солнце (солнце!) закатилось,
Земли—ржаная благодать.

У ГРОБА.

Я вижу тысячи голов,
Склоненных в горечи и плаче.
Я знаю—будет много слов
И вдохновенных и горячих.

Но никому не рассказать,
Что было в нем—в простом Гиганте,
Как мог он новый мир создать
Из вечно старых букв: „Восстаньте!“.

И в тысячах статей и книг
Умы, как птицы, будут биться,
Чтоб этот гениальный лик
Мог людям снова повториться.

Его поймут два существа:
Дух коллективного Поэта
И овдовевшая планета,
Чей вечный траур—синева.

КОГДА УМИРАЕТ ВОЖДЬ.

Когда умирает Вождь,—
Как-будто солнце гаснет.
Не слезы льются—градный дождь
От боли скатывается на снег.

Когда умирает Вождь...
Мгновение полное тревоги,
В трауре чернеет мира площадь,
И тяжелы сиротские дороги.

Когда умирает Вождь,—
Путь каждого становится велик
Среди краснознаменных рощ,
Где Ленина сияет лик.

Когда умирает Вождь...
Ползут враги шипящим низом.
Но мудрая несокрушима мощь:
Учитель мертв—жив ленинизм!

НЕ ВЕРИМ.

Не верим, хоть засыпь нас
Снегами телеграмм:
Он с нами неусыпный
Великий командарм.

И как всегда любимый,
Движением руки
Ведет неотвратимые
Рабочие полки.

Стоит ли ночь глухая
Или гремит гроза,
Сверкают, усмехаясь,
Ленинские глаза.

Не верим, хоть засыпь нас
Снегами телеграмм:
Он с нами неусыпный
Товарищ командарм.

ПЕСНЯ О ГЕНИИ.

Встряхнув весь мир, как котенка,
Стальной одной пятерней,
Он мозгом своим вперегонки
Помчался с орбитой земной!

И, во имя любого мальченки босого,
Небо рассекши гигантским лбом,
Колоколил он миру ураганное слово—
В солнце—кулаком!

И пошли за ним по камням и ямам
Апостольским шагом упрямым:
Серпы, наковальни, молоты,
Негры, поэты, клерки, набобы,
Пирамиды, портнихи, дредноуты,
Эскимосы и небоскребы!

Вы—из-под своих цилиндров смятых—
Глядящие с усмешкой на кепку его,—
Вы—мухи у подножья Арарата!
— Как вам увидеть его всего?!

И поймите вы, мухи! Поймите-же крепко:
Отныне, во веки, до конца времен—
На миилльонах голов коронуется кепка
Превыше всех бывших в мире корон!

И, вот, пронизав все пространство земное,
Загремело в веках, как вулканный клич,—
Такое громадное и такое простое
Имя: Ильич!

ВОЖДЬ.

Гром гробовой... Зашаталась земля...
Смена! Крепче на рычаг руля.

Вой одичалой слепой орды,
Смех змеиный и лязг ножа...
Товарищи! сомкни ряды!
Товарищи! На посту не плошай.

Тревожны и скорбны гудки по утру.
Гудки и вьюги баюкали труп.

Траур окраин—глуше железа.
В корчах знамен—сдавленный стон.
Нет! не могила, а черная бездна.
И бездне ль вместить эту боль похорон?

Тревожны и скорбны гудки по утру.
Гудки и вьюги баюкали труп.

Радио, простор когтя,
Черною чайкою в площадях...
И вдруг—из холодеющих рук Вождя
Миллионы в пылающий стяг.

Не слезы, а сталь—взор
И смерти и миру в упор.

И грозною клятвой загрохотало:
— Нам смерти нет и не будет оков!!.

И встал над миром
ЛЕНИН кварталов,
ЛЕНИН плантаций, полей, рудников.

Имя ж простое—в список утрат
Под всхлипы могильных лопат.

Тише... Неугасимая память...
Вздыхая курантами Кремля,
Будет веками, будет веками
Сердцем Вождя трепетать Земля.

ЛЕНИНДЕНЬ.

Любовней, чем заводам нашим,
И ласковее, чем станкам,
Проникновеннее, чем павшим,
И бережнее, чем рукам,
Нежнее, чем шумящим чащам,
Цветам, ручьям или морям,—
Мы
Отдадим любовь—зачавшим
И нашу нежность—
Матерям.

Жизнь не вставала на колени.
Был просто день. Один из дней.
И в этот день рожден был Ленин,
Рожден, как каждый из людей.
Не знал отец и мать не знала,
Не знал никто—и знать не мог,
Что именинницею стала
Земля,
А больше всех—станок;
Что в бесконечность поколений,
Что в бесконечность новых дней
Войдет он,
День,
Когда был Ленин
Рожден, как каждый из людей.

Несутся дни. Их было много
И будет много впереди.
Есть жизни длинная дорога,
В которой камни—дни родин.
Средь них, камней, плохих иль ветхих,
Кладутся те (они редки),
Что поднимаются, как вехи,
Иль высятся, как маяки.
Не знает мир, и мы не знаем,
Что, может быть, одним из дней
Земле маяк мы поднимаем
Рожденьем наших сыновей.
Но пусть не так—и только камень
В дорогу жизни мы дадим,—
Мы все ж прославим пред веками
И жизнь, и эти дни родин.
Мы знаем, что чужие ноги
По нашим детям не пройдут.
Они войдут лишь в те дороги,
Которыми шагает труд.
Они придут с рукою жесткой
И волей, жадною к борьбе,
Они нам принесут в себе
Частицы ленинского мозга.
Они должны сказать: „Мы можем!"
Их кровь должна быть горяча!
А мы им в ум и в сердце вложим
Живое сердце Ильича.

Так
С Лениным не умиравшим
Мы в день, подобный маяку,
Дадим любовь свою
Зачавшим,
Несущим Ленины
Станку.

ЛЕНИН РАБОТНИЦАМ.

Вы есть—не затаранят нам лица,
Вы есть—не затиранят власти класса,
Ткачих ряды—за шелестом атласа,
Резчих ряды—за лезвием резца.

Вы прядали винтовкой у плеча,
Вы прятали штыки в пуза по шомпол,
Как мол, стеной взросли и враг с ножом пал,
Как вол, впрягались в лямку, не мыча.

И за вождем по каменному дну
Вы шли в огонь, и в воду, и на площадь,
Пустыню жизни засадить, зарощить.
Весной рожденный, породил весну.

Но солнце, Ленина, закат сокрыл,
Нам разум Ленина—с востока солнце,
Нам гений Ленина—слова в миллионах крыл,
Нам громы Ленина—взгремят над потогонцем.
Но солнце, Ленина, закат зарей сокрыл.

В сны светлые юниц избы корявой,
В сны горькие их матерей-героинь,
В сны трудные голов в чадрах родных рабынь,
Пусть, как набат на бой, задыхающийся, кровавый,
Пусть, как орудий грохот, гудит над любой
державой,—
Ленина речь работницам за твердыню твердынь.

За диктатуру железных рук и синеблузую власть,
За советы всеземные—встать, победить или пасть,
За порядок:—даже ночам расставить в затылок
звезды,
На миросводе сверкать рядами, шеренгами, не
просто
Пред ними на трибуну солнце взойдет
И лучами, дружескими руками,
Всех до одной обоймет.

Пролетарий первый на свете—мать,
И второй—жена с кухонным пожарищем,
А третий несчастный—бульварная... лядь,
Со взором шарящим,
Кого взять.

Как буря гонит пустыни песок,
Вздымая вверх цветные хвосты,
Мириады женщин, весь Восток,
К нам подняли руки, ладонь листы

Коричневые и черные,
И желтые их пятерни
Вцепляются в ледники горные—
На Россию взглянуть. Взгляни.

Здесь женщин доля—
Доля орла,
Как он, мы волей
Крепим крыла,

С башенной выси
Когтим зверье,
В лоб волчий, лисий
За свое.

В камни вкованы
Были мы,
Одеждой клоуны,
Внутри тюрьмы.

Мерли, как одна,
В гамаке цепей,
В ранах спина—
До костей.

Ныне сыну
И мужу я:
На гильотину
Буржуя...

Не затаранят нам лица,
Не затиранят власти класса,
В строю за шелестом атласа,
В строю за выливкой свинца.

ЗВОНЧЕ БЕЙ ПО ЖЕЛЕЗУ.

Эй, пролетарий, вскормленный голодом,
Чей порыв черной бурей вспенен,
Звонче бей по железу молотом—
Умер товарищ Ленин.
Эй, буденовец, четкой ковкой
Поднимай в небеса клич,
Крепче слейся с винтовкою—
Умер Ильич.
Эй, товарищи, что плачут люди—
Слезы катятся, точно дождь?
Крепче сплотите стальные груди—
Умер любимый вождь!

Зав. „Кр. Треугольник“

ВЕЧНЫЙ.

Мертв наш любимый Ленин,
Вождь мировых коммун,
Мудрый, великий гений,
Первый в мире трибун.

Пусть с каждым днем свирепеет
Яростный бич палача,—
— Мир побеждают идеи,
Сердце и мозг Ильича!

Мертв наш любимый Ленин.
Гроб спускаем, скорбя...
Вечен бессмертный гений,
Нам завещавший себя!

В. И. ЛЕНИНУ.

Склоним знамена! и твердым шагом,
К шагу теснее шаг!
Имя живое алым стягом—
Солнцем встало в веках:

Каждый отныне горд и бесценен.
Каждое сердце—клич.
Первое слово ребенка: Ленин.
Вздох последний: Ильич.

Горе—глубже. Стон—задушим.
Воли взведем курок.
Пламя кругом—с моря и с суши.
Скинул чадру Восток.

В полдне пустыни черный ропот;
Тундра выплеснет тост;
Не нынче—завтра встанет Европа
Во весь человечий рост.

Слышим голос, близок и властен
(Ветер улегся, нем):
„Наша ставка—всемирное счастье
До последнего всем!“

Склоним знамена! и твердым шагом,
К шагу теснее шаг!
Имя живое звонким стягом—
Солнцем встало в веках.

Двадцать первое Января.

Вы слышите, как в мире тихо стало?..
Большое сердце биться перестало!

Закрылся взгляд, провидевший все дали...
Ослабли руки—те, что крепче стали,
Схватили дикий старый мир за горло...
Потух и голос—вещий клекот орлий!

Скончался вождь...

Как ветер необ'ятный,

Восстала скорбь потери безвозвратной.

Сердца живых сегодня—грусть без меры!
Но там, за грустью, преизбыток веры
В заветы Ильича, в его уроки.
Пусть умер вождь!—В бессмертьи, издалека,
С какого-то неведомого свыше
Попрежнему мы мощный голос слышим.
Попрежнему идем его дорогой...
Пусть много сзади верст, пусть впереди их много—
Вперед, товарищи! И в самой смерти силы
Мы почерпнем у дорогой могилы.

Он так хотел! И это будем помнить
И в тишине осиротелых комнат,
И в угле площадей, где маршем похоронным
Сольемся мы в миллионные колонны,
Чтобы в напеве Интернационала
Душа всего народа прорыдала,

Чтобы в напеве Интернационала
Биенье всех сердец в одно сказало—
Затем, что все сердца, сливаясь воедино,
Дадут одно, большое, исполина—

Такое, как его!..

...Вы слышите—как тихо

Сегодня в мире?

— Тяжела утрата

Для мирового пролетариата!

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ.

И прежде, чем укрыть в могиле,
Навеки от живых людей,—
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней.

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди.
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И Красный орден на груди.

Текли. А стужа над Москвою
Такая лютая была,
Как-будто он унес с собою
Частицы нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно печален
Луны почстный караул.

РОВНО В 4.

Один. Два. Три. Четыре.
Стонет болью сжатое горло фабричной трубы.
— Утрата горчайшая в мире,
Нам ли ее забыть?
Всем он близкий стал, дорогой...
Слепых не будет, теперь все поймут...
Залп—один, другой.
Жизнь умерла на пять минут.
Ветер колючий кровью малиновой щеки зажег.
Слезы шолками острыми стынут в ресницах.
Прощай... Мир теперь одинок.
В трауре вечном истории нашей страница.

ПЯТЬ МИНУТ.

I.

Север наморщил косматые брови,
Из тундры тяжким дохнул морозом.
Ветры январские стихли, чтобы через миг стать
еще суровей.
Теплый Гольфштрем Белому морю утер ледяные
слезы —
Слушали землю... Гудит земля и ползут по ней
смертные тени:—

Умер Ленин!

II.

Черное море взвыло от Кавказа до Крыма,
Ударили штормами, бухты и молы жаля—
И замерло сразу... И растеклось неудержимо
От Батума и Ялты до страны Кемаля,
До сакли бедного горца, минуя крутые ступени:—

Умер Ленин!

III.

Снега и болота... Халупы, крытые ветхой соломой,
Бродит в лесах белорусских волчья голодная стая,
Столбы и канавы польскую метят границу...
В избах—не та же ль печаль, что в диких пред-
горьях Алтая?
Расы, народы встают в снегах и песках на колени:—

Умер Ленин!

IV.

Пески Востока... Сухие ветра... Желтые глаза, не-
подвижные скулы—
Россия, глядящая с Крыши Света,
До Памира дошедшая,—ты слышишь гулы,
Захлестнувшие Москвою хребты Тибета?
Единое сердце—в миллионах биений:

Умер Ленин!

V.

Пять минут отзвучали в равнинах... Затушены
скорбные свечи,
Радио-мачты пронзили немые пространства эфира...
В дымах работы страна подымает на крепкие плечи
Огромную славу учителя мира...
В пламени веры народов душа вдохновенна:—
Ленина сердце забилось под сердцем Вселенной!..

НЕТ, ОН НЕ УМЕР.

Утраты черная печаль
Не разобьет волны стремлений:
Над красным гробом Ильича
Растет тысячекратный Ленин.
Нет,—он не умер! Он везде—
Могучий, пламенный и стойкий—
И в скромном пахаре труде,
И в гордом громе Волховстройки,
И близко здесь, и где-то там,
За синегрудыми морями—
Везде звучат его уста,
Восстания вздымая пламя.

Утраты черная печаль
Не разобьет волны стремлений:
Взойдут посевы Ильича
В цветах грядущих поколений.
Нет,—он не умер! Не угас
Его неугасимый гений,
Из миллионов детских глаз
Глядит на мир бессмертный Ленин.

ЕГО ПАМЯТИ.

Угас,
Угас могучий гений—
Сиянье северной земли.
Любимый вождь, Владимир Ленин
С сердцами миллионов слит.
Единым пульсом сердце билось,
Пронизывал единый ток.
С непобедимой силой
Восстали Запад и Восток.
Твой голос--
Грозный гром стихии,
Прибои миллионных толп,
Землетрясенная Россия
Гуденье океанских волн.
Его шагов стальную силу
Ковали долгие века,
Его порыв не угасила
Убийцы черная рука.
Мы вздрогнули от острой боли—
Его уж нет, навек ушел.
Заряжены железной волей
Мы вместе сплавились душой.
В семью единую мы слиты,
Единый курс, единый стан.
Включил в иную нас орбиту
Земли великий Капитан.
Угас,
Угас чудесный гений,
Перешагнувший рубежи.
Но имя огненное ЛЕНИН,
Как солнце, будет вечно жить.

УДВОЙТЕ АВАНПОСТЫ.

(На рубеже советских земель).

Воет буря воем погребальным,
Душу что ли вымотать хочет,
То вдруг плачем зальется печальным,
То дико вдруг захохочет.

Разметала кудри сугробные,
Рябью пыльною по полю водит,
Песни какие-то надгробные
Голосами дикими выводит.

...Тихо в сторожке пограничной,
Замели ее снеговые буруны.
Протянулись с полей безграничных
К ней, гудя, телеграфа струны.

Вот затрещал телеграф пулеметом,
Начал воздух холодный стричь,
Блеснула полоска в руках взлетом:
— Умер... вождь... Ильич...

Резануло по сердцу сталью.
Заскребло тихо скребом мышиным,
Замаячил над мутной далью
Милый образ с большой плешиной.

Да и мало ль что вспомнилось тотчас...
Только тихо шептали губы,
Да на печке холодной, ворочась,
Вьюгу клял вестовой из-под шубы.

Встрепенулся... крикнул просто
Неодетый—в буран сгоряча:
„Эй, удвойте везде аванпосты:
Нет Ильича...“

Зав. „Кр. Треугольник“.

ТВЕРЖЕ ШАГ!

Не нужно нам песен прощальных..
Он умер...
        Но тверже шаг.
Развеемте звон погребальный
Туда, где злорадствует враг.
Он умер... С великою жаждой
Отдавший все силы нам...
Так тверже и стойче каждый
Вперед—по его стопам!
Нет места слепому злословью
В ехидном восторге врагов...
Его благородною кровью
Запенится наша кровь.
Сильней обостривши рвенье,
К победе и до конца!!.
Он жив—наш бессмертный Ленин—
В рабочих сердцах!

Мавзолей.

Как яблоко антоновское, день
Пахуч и крепок. Раннего заката
У стен Кремля распластанная тень
Глубоким трауром утраты...

Здесь—притаившаяся тишина.
Такая тишь рождает слово,
Лишь гению покорная, она
На подвиги и зов его готова.

Там—города, болота, степи, тундры.
Там—поражений и побед молва.
И мертвое чело заботой мудрой
Взволновано, но—скованы слова.

Два знамени над ним, как два крыла
Борьбы, что так неутомимо
Суровою страной, предместьем дымным
И к достижению Вождя влекла;

И веяло одно: Кремлем и блузой,
Сияньем зорь весенних по утру.
Немолчным гулом битв, где Труд
Еще проклятьем был и грузом.

Другое—как потертый парт-билет
Истории—издалека
Иной стране, иному сердцу вслед
Пороховым дымком парижских баррикад.

И пионер не сводит гордый взор
С лица того, чей взор проник в столетья
Все вынесли: утрату, голод, мор,—
И пред Вождем—безмолвной клятвой дети.

И трудно вспоминать, что был несчастный
Безумец, верующий до конца,
Что над эпохою и геньем властны
Те „шесть золотников свинца"...

Как яблоко антоновское, день
Пахуч и крепок. Раннего заката
У стен Кремля распластанная тень
Глубоким трауром утраты.

ОГЛАВЛЕНИЕ.